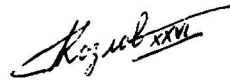

0-798004

На правах рукописи

КОЗЛОВ Сергей Александрович

**ВИЗАНТИЙЦЫ И ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ
КОЧЕВНИКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В КОНЦЕ IX — НАЧАЛЕ XIII ВЕКА
В ВИЗАНТИЙСКОЙ НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ**

**Специальность 07.00.03 — всеобщая история
(средние века)**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Тюмень — 2012

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Еманов Александр Георгиевич

**Официальные
оппоненты:**

Романчук Альбина Ильинична,
доктор исторических наук, профессор,
ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный
университет имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина», профессор кафедры
истории древнего мира и средних веков

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000741725

Баязитова Гульнара Ильгизовна,
кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный
университет», заведующая кафедрой новой
истории и международных отношений

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Защита состоится «02» ноября 2012 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Республики 9, ауд. 211.

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Автореферат разослан «28» сентября 2012 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук,
профессор*

З.Н. Сокова

0-798004

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная актуальность. Проблема взаимоотношений между Византийской империей и миром евразийских степняков принадлежит к числу наиболее сложных и ангажированных вопросов средневековой истории, и в той или иной степени затрагивает исторические судьбы большинства современных стран и народов Восточной Европы. История восточноевропейских степей изучаемого периода связана, прежде всего, с двумя тюркскими кочевыми этносами, зачастую упоминаемыми византийскими текстами под архаизированным названием «скифы», — огузо-печенегами (или печенегами и огузами) и куманами. При этом реконструкция истории византино-кочевнических отношений, ввиду отсутствия полноценных письменных источников, происходящих непосредственно из Степи, строится главным образом на основе данных византийской нарративной традиции. Пожалуй, именно византийцы первыми (а подчас и единственными) вплоть до конца XII в. давали письменную характеристику народам, появившимся в Европе, и в этом смысле византийские источники не имеют себе равных. Однако это обуславливает и существенную особенность наших сведений по истории византино-кочевнических контактов — их преломленность сквозь призму субъективного восприятия византийскими авторами. Изучение этих данных неразрывно связано с целым рядом узловых проблем византистики, в частности, с вопросами формирования образов различных народов и регионов в литературной традиции и общественном сознании Византии, ее политического и культурного развития и др.

История византино-кочевнических связей является важной составной частью истории ведущих средневековых государств региона — Хазарии, Киевской Руси, Дунайской Болгарии, Венгрии, а также истории окружавших их «варварских» народов. На примере византино-кочевнических контактов можно проследить механизмы междивизиационного взаимодействия европейской, греко-православной, и азиатской, тюрко-кочевнической, культур и их трансформации в процессе этого взаимодействия, поэтому их изучение имеет и важное методологическое значение, в том числе при исследовании темы «Русь и Степь». С одной стороны, утвердившись в степях Восточной Европы и оказавшись в пределах развитых культур христианского круга, тюркские племена так или иначе адаптировались к окружавшей их действительности, в том чис-

ле через христианизацию и поступление на службу других государств. С другой стороны, массовые нашествия степняков на территорию Византии неизменно становились поворотными моментами ее истории и именно так воспринимались современниками событий и их потомками. Кочевнические набеги сыграли существенную роль в укреплении «национальной солидарности» ромеев и коренным образом влияли на расклад политических сил и интеллектуальную ситуацию внутри Империи. Соответственно, изучение истории византино-кочевнических отношений и византийских представлений о номадах позволит дополнить наши знания о цивилизационных параметрах Византии, их влиянии на ход событийной истории и ее отражение в византийской литературе.

Объектом исследования выступают памятники византийской нарративной традиции, освещающие историю тюркских кочевников Восточной Европы и их взаимоотношений с Византией в конце IX — начале XIII вв. **Предметом** являются отраженные в этих источниках факты византино-кочевнических отношений и представления ромеев о тюркских номадах.

Цель диссертации — критический анализ данных византийской нарративной традиции об истории отношений между византийцами и тюркоязычными номадами Восточной Европы в конце IX — начале XIII вв.

В соответствии с **задачами** данная работа разбита на две части. Первая охватывает период с конца IX до начала XI вв., т.е. эпоху до первых массовых вторжений печенегов и огузов на территорию Византии, когда эти племена не представляли непосредственной угрозы для Империи, а печенеги, к тому же, неизменно рассматривались ромеями в числе основных союзников в Северном Причерноморье. Задачами данной части являются: 1.1) анализ проблемы датировки появления печенегов в Нижнем Подунавье, в результате которого они впервые попадают в поле зрения византийских источников; 1.2) рассмотрение произведений деятелей «византийского энциклопедизма» на предмет выявления и анализа содержащихся в них этнокультурных данных о печенегах и роли последних в византийской дипломатии; 1.3) источниковедческий анализ свидетельств византийских авторов о роли печенегов в «русской» войне Иоанна I Цимисхия — первого известного византийской традиции конфликта ромеев с печенегами.

Во второй части рассматриваются свидетельства о прямых массовых нашествиях тюркских номадов на балканские владения Византии во вто-

рой четверти XI — начале XIII вв., резко изменивших представления ромеев об этих кочевниках и прежнюю систему византино-кочевнических отношений. В задачи этой части входят: 2.1) анализ свидетельств источников о византийской христианизации вторгавшихся кочевников и попытках византийских политиков интегрировать их в военный механизм Империи; 2.2) реконструкция византийских представлений о печенегах и куманах периода «скифской» войны Алексея I Комнина; 2.3) рассмотрение византийской традиции о «последней» войне с огузо-печенегами при Иоанне II Комнине; 2.4) изучение истории византино-куманских войн второй половины XII в. и анализ образа куманов, содержащегося в трудах современников куманских набегов на территорию Византии.

Хронологические рамки. Настоящее исследование посвящено истории взаимоотношений между византийцами и тюркскими номадами в конце IX — начале XIII вв., т.е. с момента первого появления печенегов близ северных границ Византии вплоть до захвата крестоносцами Константинополя в 1204 г., ознаменовавшего распад империи ромеев.

Географические рамки работы охватывают, главным образом, территорию Нижнего Подунавья — важный в военно-стратегическом, политическом и экономическом отношении регион, в ареале которого происходили интенсивные межэтнические и межкультурные контакты, сопровождавшиеся взаимодействием Византии, Дунайской Болгарии, Венгрии, Киевской Руси, многочисленных славянских и тюркских народов. В ряде случаев рассматриваются также материалы, относящиеся к другим районам Восточной Европы: Среднедунайская низменность (Паннония), балканские и крымские владения Византии.

Степень разработанности проблемы. Проблема изучения истории византино-кочевнических отношений часто привлекала внимание исследователей¹. Первым, подлинно научным трудом по этой проблеме, стало сочинение В.Г. Васильевского «Византия и печенеги» (перв. изд.:

¹ Историографические и библиографические обзоры см. *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. Leiden, 1983³. S. 87–94; Бибиков М.В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 7–60 (перв. изд.: 1980 г. по канд. дисс. 1976 г.); Мавродина Р.М. Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы): Историографический очерк. Л., 1983. Библиографию см. *Stephenson P. Byzantium's Balkan frontier: A political study of the Northern Balkans, 900–1204. Cambr., 2000; Spinei V. The Romanians and the**

1872 г.). На основе анализа широкого круга византийских и иных источников, часть из которых впервые вводилась им в научный оборот, он подробно рассмотрел перипетии взаимоотношений Византии с печенегами, огузами и куманами и убедительно показал решающую роль кочевников в судьбе Империи накануне Первого крестового похода, попутно продемонстрировав, что уяснение крупнейших событий европейской истории невозможно с позиции западноевропоцентризма, исключающей из поля зрения прямо или косвенно втянутые в изучаемые события кочевников Причерноморья и население Древней Руси². Ставший классическим труд В.Г. Васильевского сыграл огромную роль в становлении отечественной византистики и сохраняет свое значение для современной науки.

В последующие десятилетия, особенно после выхода в свет двухтомника Дь. Моравчика «Byzantinoturcica» (испр. изд.: 1958 г.), эта тема и ее различные аспекты рассматривались на страницах десятков монографий и сотен специальных статей, полностью или частично посвященных истории названных государств и народов. Первая проблема, с которой сталкивается практически каждый исследователь византийских источников по истории причерноморских кочевников, — вопрос о соотношении в них исторической реальности и литературной фикции, т.е. когда в этих источниках идет речь об исторических событиях и реальных тюркских номадах, а когда лишь о риторизованных описаниях и умозрительном образе этих этносов. Среди различных методологических подходов к этой проблеме, и к византийским текстам в целом, можно выделить три основных подхода, которые можно обозначить как «описательно-фактологический», «дискурсивный» и «проблемно-источниковедческий».

Ученые первой группы, в основном археологи и медиевисты (С.А. Плетнёва, А.Н. Сахаров, Р.Г. Скрынников, В. Спинея, П.П. Толочко, И.О. Князький), исходят из «презумпции истинности» византийских источников и анализируют содержащиеся в них данные как объективные свидетельства, позволяющие восстановить реальную историю тюрок Северного Причерноморья. Поскольку предпочтение отдается византийской историографии, освещающей преимущественно

Turkic nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2009.

² *Литаврин Г.Г.* Василий Григорьевич Васильевский — основатель санкт-петербургского центра византиноведения (1838–1899) // ВВ. 1994. 55/1. С. 11.

но историю кочевнических набегов на Византию, в большинстве работ этой группы основное внимание уделяется именно военным и политическим аспектам византино-кочевнических отношений: предыстория и причины вторжений степняков, их этнический состав, ход и итоги военных столкновений и т.п. Вопросы источниковедения занимают в большинстве из этих работ незначительное место, но и в тех случаях, когда им уделяется больше внимание, такой анализ редко выходит за рамки общих суждений. Так называемые «общие места» рассматриваются как дань «этикетным» требованиям и зачастую просто игнорируются, как и византийские памятники риторических жанров; субъективность византийских писателей оценивается как недостаток, часто обуславливающий недостоверность их сообщений. В результате представление сторонников «описательно-фактологического» подхода о периодически вторгавшихся в балканские провинции Византии «волнах» кочевников, вносящих хаос в жизнь оседлого населения и разрушавших устоявшиеся хозяйственные и социальные институты, по сути, мало чем отличается от изложения самих византийских хронистов. Уникальность и ценность византийских текстов, таким образом, заслоняют от исследователей их во многом субъективный характер.

Представители второй группы ученых, главным образом византинисты (П.М. Штрессле, Э. Маламю), исследуют формирование образов кочевников в общественном сознании и литературной традиции Византии. Основное внимание они сосредотачивают на таких проблемах, как образ печенегов и других «скифов» в представлении византийских авторов, их идеологические и культурные установки, литературные приемы и т.д. В большинстве случаев византинистов не интересует вопрос о соотношении византийских текстов с исторической реальностью. Если же проблема субъективности сведений ставится, то решается она, как правило, на пути выявления авторской индивидуальности византийских писателей и литературных топосов, с помощью которых они описывали исторические события и народы. В этой связи показателен ряд статей Э. Маламю, специально посвященных образу тюркских номадов в византийской литературе³. Следуя французской гуманитарной традиции изучения образа

³ *Malamut É. L'image byzantine des Petchénègues // BZ. 1995. 88. P. 134–142; idem. Les peuples étrangers dans l'idéologie impériale: Scythes et Occidentaux //*

«Другого», Э. Маламю объясняет различные особенности византийских текстов структуралистскими оппозициями типа «природа–культура», «язычество–христианство», «война–мир» и т.п. Образ «скифов» в представлении византийских авторов рассматривается как «représentation idéale de la théorie ethnique... se fonde sur l'opposition dans l'idéologie byzantine entre l'empire et les Barbares»⁴, а корни почти всех «этнографических» описаний отыскиваются в предшествующей традиции. Таким образом, проблема исторической достоверности византийских текстов также не поднимается, но, в отличие от исследователей первой группы, причина заключается в том, что византилисты сосредотачивают свое внимание на источниковых репрезентациях, а не собственно истории.

Исследователи третьей группы, как правило, византилисты и мидиевисты (А.П. Каждан, Я.Н. Любарский, Дж. Шепард, М.В. Бибиков, П. Стефенсон), как бы совмещают два предыдущих подхода: они уделяют свое внимание конкретным вопросам истории византино-кочевнических отношений и ее хронологии, т.е. восстановлению исторической реальности, и при этом решают эти проблемы, прежде всего, на пути историко-филологической критики источников. «Проблемно-источниковедческий» подход характеризуют критический анализ византийских источников, их широкое сопоставление с данными независимых традиций, привлечение не рассматриваемых ранее источников, выявление генеалогии и соотношения текстов, определение авторских установок и целей создания того или иного сочинения с учетом его социальной роли и идейной направленности и т.д. В то же время, отдавая должное этим исследователям, следует констатировать, что свойственный им взгляд на византийские источники как на продукт чисто греческого творчества не часто выходит за пределы собственно византиноведческих штудий и потому не всегда учитывает ряд важных источниковедческих аспектов осмысления содержащегося в этих источниках материала. Так, нередко за пределами внимания ученых остается вопрос об источниках и путях получения византийскими авторами сведений об исторических кочевниках. При учете этих замечаний именно проблемно-источниковедческий подход пред-

L'étranger au Moyen Âge: Actes du XXXe congr. de la SHMESP (Göttingen, 1999). P., 2000. P. 119–132.

⁴ *Malamut. Les peuples étrangers...* P. 120.

ставляется наиболее взвешенным и плодотворным при исследовании византийских и других письменных источников по истории византино-кочевнических отношений.

Методология и методика. Методологическую основу диссертации, наряду с заявленным проблемно-источниковедческим, составляют системный, междисциплинарный и цивилизационный подходы, а также дискурс-анализ. Проблемно-сюжетное изложение материала реализуется в рамках системного подхода к проблеме византино-кочевнических отношений, рассматриваемых, с одной стороны, как сложная и взаимообусловленная совокупность (система) культурных, экономических, политических и других связей между византийцами и степняками Восточной Европы, с другой — как элемент региональной (восточноевропейской) подсистемы международных отношений средневековой Европы. В рамках междисциплинарного подхода производится критическое осмысление и сопоставление свидетельств византийских источников с данными независимых традиций (западноевропейских, венгерской, русской и др.), освещающих отдельные аспекты византино-кочевнических отношений с разной степенью полноты и достоверности. Изучение особенностей культурно-исторического развития византийского общества и тюркоязычных кочевников Причерноморья производится в рамках цивилизационного подхода. В соответствии с принципами дискурсивного анализа исследуются отраженные в текстах представления византийских авторов, лежащие в сфере менталитета ромеев и определяющие их язык, оценки, смысловые предпосылки и характер описания тюркских кочевников. Анализ дискурса византийских интеллектуалов, их социально-идеологических воззрений и вербальных механизмов репрезентации действительности позволит выявить содержащуюся в источниках историческую информацию о кочевниках и отделить ее от разного рода ученых теорий и идеологизации.

В соответствии с целью диссертации была избрана и методика. На наш взгляд, вопрос о характере и источниках сведений о тюркских кочевниках является центральной проблемой при анализе произведений византийских писателей об этих народах. Для целей исторического исследования ответ на этот вопрос предполагает выяснение того, насколько можно доверять византийским текстам при реконструкции исторической реальности. Если выяснится, что тот или иной византийский автор

опирался на собственные впечатления и на рассказы людей, непосредственно сталкивавшихся с кочевниками или даже выходцев из кочевнической среды, и старался точно передавать эти сведения, то эти данные могут служить крепкой опорой для исторических выводов. Если же окажется, что (перво)источники нашего автора были ненадежными или изначально номады интересовали его не сами по себе, а в пропагандистских или «схоластических» целях, то такие свидетельства должны использоваться для реконструкции византийских представлений о кочевниках и образа последних в византийской литературе.

В конкретном обращении к византийским текстам мы следуем принципам историко-филологической критики (источниковедческий, текстологический, терминологический анализ) и исторического анализа, основанным на взвешенном доверии к источнику. Важным критерием контроля достоверности византийских источников может служить зафиксированная в них тюркская ономастика. Универсальным методом проверки сообщений византийских авторов является их сопоставление с независимыми данными.

Важнейшим элементом источниковедческой работы с византийскими нарративными памятниками является тщательный и компетентный учет их жанровой, т.е. литературной природы. Так, произведения риторических жанров (императорские энкомии, монодии на смерть высокопоставленных персон и т.п.) содержат определенным образом идеологически и стилистически обработанные сведения о подвигах василевсов и полководцев в войнах с печенегами и куманами, а задача ритора состоит не в том, чтобы сообщить своей аудитории как можно больше фактов, а в том, чтобы создать идеальный образ своего героя, могущего служить образцом мужества и благочестия. В соответствии с этой задачей враги Империи описываются не с «этнографической» точки зрения, а с помощью литературных топосов и метафор, представляющих их дикими и воинственными варварами и «скифами», несущими разрушение и смерть. Ясно, что опираясь на материал такого характера, можно судить о представлениях византийцев о кочевниках, но почти невозможно представить реальный культурный облик последних. В то же время нередко автор энкомии или монодии целенаправленно, а чаще «случайно», сообщает сведения исторического характера — например, когда панегирик составлен по случаю недавнего значительного события

и какие-то факты малоизвестны публике, или когда оратор упоминает имена и сопутствующие события, которые поддаются точной атрибуции и датировке.

Зато такого рода сведения в довольно значительном количестве имеются в письменных источниках другого рода. Это различные тексты вполне прагматического содержания (справочники и руководства по государственной политике для «внутреннего пользования», военные и хозяйственные трактаты, международная переписка по военным вопросам и т.д.). Они содержат актуальные и подчас аутентичные сведения о кочевниках, и их роль состоит не в переосмыслении и приукрашивании этих сведений, а в точной передаче информации. Так, например, Константин Багрянородный создавал свой трактат «Об управлении империей», содержащий обстоятельное этнографическое описание печенегов и их роли в византийской дипломатии, в качестве конфиденциального справочника-поучения для своего сына и наследника престола Романа, поэтому стремился предельно точно изложить доступные ему факты и четко сформулировать советы и рекомендации по внешней и внутренней политике, поименно называя, какие народы являются «друзьями», а какие «врагами» Империи, и как следует выстраивать с ними отношения.

Наиболее сложное в жанровом отношении положение для источниковедческого анализа возникает тогда, когда произведение одного жанра «интегрирует» сведения, взятые из текстов других жанров. Так, некоторые приемы императорских панегириков нередко используются в произведениях историографических жанров («историях», хрониках, исторических мемуарах), где восхваление тех или иных императоров и инвективы в адрес их оппонентов соседствуют с исторической информацией. То же самое можно сказать в отношении византийских «героических новелл», специфических фольклорных сказаний, широко распространенных в Византии после военных успехов императоров Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия и использовавшихся византийскими историографами в качестве источника информации о войнах ромеев с иноземцами (русами, печенегами, тюрками-сельджуками). Эти новеллы представляли собой эмоционально приподнятые, претендующие на достоверность рассказы о подвигах реально существовавших личностей (императоров, полководцев, прославленных воинов). При этом события и факты биографии героя, имевшие место в действитель-

ности и легшие в основу сказания, приукрашивались и дополнялись элементами эпической традиции и плодами народной фантазии. Такое повествование могло в значительной степени удаляться от реальности, используя мотивы и художественные средства, заимствованные из устноэпической традиции. При отсутствии независимых источников ранжировать информацию таких фрагментов византийских «историй» и хроник по степени ее достоверности очень не просто, поэтому анализ этих текстов предполагает, прежде всего, установление жанра и происхождения лежащих в их основе утраченных источников.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые проблема византино-кочевнических отношений комплексно решается с учетом жанровых (литературных) особенностей византийских текстов и их анализа в широком историческом и культурном контексте с привлечением связанных с этим независимых данных. На основе широкого сопоставления и критического анализа письменных источников реконструируется реальная история (в том числе уточняется хронология) печенегов, огузов и куманов в период их пребывания в Нижнем Подунавье. Впервые системно решается вопрос об источниках (информаторах) и характере сведений византийских авторов о тюркских номадах, восстанавливаются связанные со степняками византийские «героические новеллы», в результате чего реконструируется более глубокая и разнообразная панорама византино-кочевнических взаимоотношений. Проведенный в ходе исследования анализ литературных топосов и риторических средств формирования образа печенегов и куманов («скифов») позволил выявить мировоззренческие и идеологические установки византийских интеллектуалов, и определить основные этапы развития представлений ромеев об этих племенах.

Научно-практическая значимость. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в обобщающих трудах по истории Византийской империи и других средневековых держав Восточной Европы, тюркоязычных номадов Северного Причерноморья, при написании работ о взаимодействии оседлых и кочевнических культур, при чтении соответствующих курсов в университетах и составлении учебников. Представленный в Приложении свод византийских свидетельств о печенегах, огузах и куманах, дополняющий соответствующие регистры второго тома «Byzantinoturcica» Дь. Моравчика с учетом современных

критических изданий византийских источников, может быть использован в качестве самостоятельного пособия при исследовании истории этих тюркских кочевников.

Апробация. Предварительное обсуждение диссертации состоялось на заседании кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков ТюмГУ. По теме исследования опубликовано 12 научных работ, включая 3 в рецензируемых ВАК РФ изданиях. Отдельные положения работы излагались и обсуждались на различных научных конференциях и форумах: XXIV Чтениях памяти В.Т. Пашуто (Москва, ИВИ РАН, апрель 2012 г.); XXX и XXXI Всероссийских конференциях «Курбатовские чтения» (Санкт-Петербург, СПбГУ, ноябрь 2010 и 2011 гг.); IX Международной конференции «Пирровы чтения» (Саратов, СГУ, июнь 2011 г.); XIII Международной конференции «Сюзюмовские чтения» (Екатеринбург, УрГУ, ноябрь 2010 г.); III Международной конференции «Кондаковские чтения» (Белгород, БелГУ, октябрь 2010 г.); I Всероссийской конференции «Древность и Средневековье» (Омск, ОмГУ, октябрь 2010 г.); XVII Международной конференции «Ломоносов» (Москва, МГУ, апрель 2010 г.). Доклад, подготовленный на основе главы 2.2 диссертации, был включен в программу XIX Международного конгресса медиевистов (Университет Лидса, Великобритания, июль 2012 г.).

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация имеет общий объем 9,4 а.л. и состоит из введения, семи глав (в соответствии с семью группами поставленных задач), заключения, библиографического раздела и приложения. Во введении обоснованы актуальность и научная значимость темы, ее хронологические и территориальные рамки, определены объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи работы, охарактеризованы основные методические принципы исследования.

Глава 1.1. «Проблема датировки появления печенегов в Нижнем Подунавье» состоит из четырех параграфов. В параграфе 1.1.1. «Регион Прюмский об изгнании печенегами венгров в Паннонию» рассматривается известие лотарингского хрониста Регинона Прюмского под

889 г., в котором сообщается о переселении венгров в «пустыни паннонцев и аваров», куда они были вытеснены печенегами из «скифских владений и болот, образованных разливом Танаиса». Указания Регинона на уход венгров в Паннонию и их войны с карantanцами, мораванами и болгарами уверенно указывают на расселение венгров на Среднедунайской равнине, куда они мигрировали под давлением печенегов непосредственно из Нижнего Подунавья. Сведения Регинона о припонтийских реалиях, в т.ч. упоминание р. Танаис/Дон, имеют книжную основу и целиком восходят здесь к трудам римского историка I в. Трога Помпея и автора второй половины VIII в. Павла Диакона. Соответственно, в дискутируемом пассаже Регинона не идет речь о первом появлении печенегов в Подонье, как часто считают современные исследователи, путая описанные хронистом события с первой венгеро-печенежской войной, о которой сообщает Константин Багрянородный. Свидетельства порфирородного автора о войнах печенегов и венгров проанализированы в **параграфе 1.1.2.** «Константин Багрянородный об “обретении родины” венграми и их борьбе с печенегами». Сопоставление хронологического указания Константина на то, что печенеги изгнали венгров и владеют их страной уже в течение «пятидесяти пяти лет», с независимыми данными «Фульдских анналов» и «Большой Бельгийской хроники», позволяет сделать вывод о фиктивности региноновской даты вытеснения печенегами венгров в Паннонию в 889 г. и датировать указанные события временем ок. 893/4 гг. Вопрос о вероятном источнике информации Регинона о печенегах рассмотрен в **параграфе 1.1.3.** «Источник сведений Регинона о печенегах». Исходя из содержания региноновского известия и весьма вероятной идентификации региноновской передачи этнонима *Pesinaci* с греческой Παττινάκοι, высказывается предположение о том, что сведения Регинона о печенегах через посредничество служителей монастыря Райхенау восходят к неизвестному византийскому источнику, о котором можно сказать лишь то, что в нем упоминались самоназвание печенегов и факт их борьбы с венграми. В **параграфе 1.1.4.** «Интеллектуалы “византийского энциклопедизма” о печенегах в Нижнем Подунавье (Николай Мистик, Константин Багрянородный, Продолжатель Феофана)» рассматривается первое известное византийской традиции событие истории нижнедунайских печенегов — их участие в первой болгаро-византийской войне середины 890-х гг., в которой они в

союзе с болгарами разгромили византино-венгерскую коалицию, после чего, собственно, венграм и пришлось уйти в Паннонию. Критическое рассмотрение и сопоставление разноприродных источников, освещающих эти события, также свидетельствует в пользу предложенной датировки появления печенегов в Нижнем Подунавье не ранее 893/4 гг.

Глава 1.2. «Византийцы и печенеги в эпоху Константина Багрянородного» включает четыре параграфа. В параграфе 1.2.1. «Константин Багрянородный о роли печенегов в византийской дипломатии» кратко изложены основные вехи внешнеполитической теории и дипломатической практики Византии периода Македонской династии, отдельно затрагивается вопрос о причинах заинтересованности ромеев в союзе с печенегами и образе последних в трактате *DAI*. Отмечается, что в отношении с печенегами Византия выступала как заинтересованная сторона в соответствии с принципами многовековой «степной дипломатии», требовавшими иметь сильного союзника в припонтийских степях. Появление печенежских племен в Причерноморье в конце IX в. внесло существенные коррективы в планы византийской дипломатии, переориентировавшейся на союз с печенегами взамен слабеющего Хазарского каганата. В параграфе 1.2.2. «Глава “О народе пачинакитов” и проблема “печенежского досье” трактата» посвящена анализу печенежской ономастики и сведений о родоплеменном устройстве, порядке наследования власти и географическом расселении печенегов, содержащихся в 37-й главе трактата *DAI*. Хотя эти сведения и обнаруживают следы некоторой редакторской правки Константина, они почти не подверглись литературной обработке в отличие от начального раздела трактата, авторство которого принадлежит самому Константину. Поэтому, говоря о «печенежском досье», не допустимо включать в него главы 1–8 и следует отождествлять его с 37-й главой *DAI*. Ревизия данных трактата Константина Багрянородного, предпринятая в параграфе 1.2.3. «Проблема хронологической атрибуции “печенежского досье”» с учетом современного историографического контекста позволила установить датировку и сделать вывод о вероятных информаторах т.н. «печенежского досье» *DAI*. Это «досье» датируется 10–20-х гг. X в., т.е. временем, когда печенеги попадают в сферу военных и дипломатических интересов Византии и начинают рассматриваться византийцами в числе главных союзников в Причерноморье, как об этом и говорится в *DAI* и в близких

ему по времени текстах Николая Мистика и Продолжателя Феофана. Именно с этого времени этноним Πατζινάκοι/Πατζινάκιται начинает регулярно упоминаться на страницах византийских источников, тогда как в предшествующей традиции периода Льва VI сведений о печенегах нет. В параграфе 1.2.4. «Иоанн Богас», исходя из содержания «печенежского досье» трактата *DAI* (наличие печенежской ономастики и идеологием, и использование греческой терминологии для характеристики социально-политического устройства печенегов), делается вывод о том, что оно было составлено при участии стратига Херсона Иоанна Богаса, судя по патронимику, происходившего из печенежской (тюркской) среды. Это предположение подтверждается как тем, что именно на Богаса было возложено ведение текущих переговоров с печенегами, так и тем особым вниманием, которое в трактате *DAI* проявляется к феме Херсона, через которую осуществлялись контакты византийской администрации с печенегами.

Глава 1.3. «Византийские авторы об участии печенегов в “русской” войне Иоанна I Цимисхия» состоит из четырех параграфов. В параграфе 1.3.1. «Лев Диакон и Скилица о “русской” войне Цимисхия» рассмотрено содержание рассказов византийских историографов об участии печенегов в русско-византийской войне 970–971 гг. В параграфе 1.3.2. «Проблема соотношения трудов Льва Диакона и Скилицы» на основе сопоставления и изучения возможных источников Льва и Скилицы делается вывод о том, что не ранее второй половины XI в. печенеги могли стать персонажами византийских «героических новелл», специфических фольклорных сказаний, широко распространенных в Византии после военных успехов Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия и использовавшихся некоторыми византийскими хронистами для создания героизированных портретов реально существовавших личностей (императоров, полководцев, прославленных воинов) и описания их подвигов в войнах с иноземцами (русами, печенегами, тюрками-сельджуками). Реконструкция первоначального содержания одной из таких новелл, в которой могли фигурировать печенеги, принята в параграфе 1.3.3. «Элементы устноэпической традиции в рассказе Скилицы о разгроме печенегов патриkiem Алакасом». Этот рассказ существенно отличается от параллельного эпизода Льва Диакона и, судя по ряду деталей фольклорного характера и активной роли в нем

печенегов, является одной из «героических новелл» о военных хитростях ромеев и их успешных битвах с кочевниками. Характерно, что печенеги играют активную роль именно в «версии Скилицы», во времена которого, в отличие от эпохи Льва Диакона, они были реальной угрозой Византии. В параграфе 1.3.4. «Лев Диакон о печенегах-фтирофагах» кратко рассмотрено сообщение Льва Диакона о гибели князя Святослава в засаде печенегов, «многочисленного кочевого народа, пожирающего вшей/шишки». Ввиду отсутствия каких-либо пояснений, сложно судить, в каком значении Лев Диакон употребляет здесь многозначное греческое слово $\phi\theta\epsilon\acute{\iota}\rho$, $\phi\theta\epsilon\iota\rho\acute{o}\varsigma$. В то же время имеющиеся в нашем распоряжении независимые данные об этнографии средневековых тюрок свидетельствуют в пользу «вшеядности» печенегов, однако нельзя однозначно сказать, основано ли это свидетельство на книжной традиции или на информации о реальном культурном обычае этих тюркских кочевников.

Глава 2.1. «Первые вторжения кочевников в Византию и их христианизация» включает четыре параграфа. В параграфе 2.1.1. «Иоанн Скилица о переходе печенегов “по замерзшему Дунаю” и крещении их вождей» рассмотрен рассказ Скилицы о первом массовом нашествии печенегов на территорию Византии. Говоря об этом, Скилица приводит 11 печенежских имен собственных, что в количественном отношении является вторым результатом после трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей». Делается вывод, что излагаемая Скилицей история массового нашествия печенегов и войн с ними, является объединением предоставленной печенегами информации с греческой литературной обработкой, которая вписывала эти сведения в рамки византийской литературы. Судя по характеру информации и расставленным в ней акцентам, эти сведения были записаны со слов Кегена или кого-то из его ближайшего окружения и, вероятно, были переданы Скилице Катакалоном Кекавменом. История первого массового вторжения печенегов получила достаточно широкое распространение в византийской литературе — историко-текстологический анализ этой традиции предпринят в параграфе 2.1.2. «Другие византийские авторы о “зимнем вторжении” печенегов (Мавропод, Атталиат, Пселл, Анна Комнина)». В параграфе 2.1.3. «Представления византийских интеллектуалов о крещеных печенегах» на основе сопоставления разножанровых памятников византий-

ской литературы продемонстрировано весьма скептическое отношение византийских интеллектуалов к собственно религиозной составляющей христианизации печенегов, из чего можно сделать вывод о том, что целью ритуалов крещения было, прежде всего, установление сюзеренитета Византии над крещеными народами и их превращение в союзников Империи. Аргументы в пользу последнего тезиса приведены в **параграфе 2.1.4. «Христианизированные печенеги на службе Империи»**, в котором рассмотрены свидетельства византийских авторов о дальнейшей судьбе крещеных печенегов. Санкционированные Константином IX Мономахом мероприятия по крещению печенегов (точнее их элиты) могут быть объяснены в связи с традиционной военно-религиозной доктриной империи, основанной на идее «христолюбивого воинства», аранжированной еще в «Тактике» Льва Мудрого. В пользу этого толкования говорит, прежде всего, непрменный военный контекст, сопутствующий крещению печенегов в византийской литературе: набег кочевников на территорию Византии, их поражение, обращение в христианскую веру и включение в болгарские гарнизоны, в дальнейшем фигурирующие в войнах против различных врагов Империи, включая тюркок-сельджуков. По крайней мере до середины 80-х гг. XI в. византийцам в целом удавалось интегрировать кочевников в имперский военный механизм.

Глава 2.2. «Представления о печенегах в византийской литературе эпохи первых Комнинов» состоит из четырех параграфов. В **параграфе 2.2.1. «Датировка речи Феофилакта Болгарского к Алексею I Комнину и проблема хронологии печенежской войны»** рассмотрен вопрос о хронологии основных событий византино-печенежской войны 1086–1091 гг. и определено место в ней речи Феофилакта к Алексею Комнину. Анализ риторической составляющей феофилактовского образа печенегов, произведенный в **параграфе 2.2.2. «Образ “скифов” и его функция в речи Феофилакта»**, показал, что для характеристики кочевников, совершавших набеги на территорию Византии, в византийской риторике использовался литературный топос «вторгшиеся кочевники», назначение которого состояло не в описании реального культурного облика номадов и фактов их нападений, а в создании образа дикого и жестокого врага, несущего грабежи и смерть. Его употребление указывает на то, к какому типу народов византийцы второй половины XI в. причисляли печенегов (resp. к воинственным нецивилизованным варварам,

«скифам»), но отнюдь не служит описанием каких-то конкретных групп кочевников. Назначение этого топоса состоит также в возвеличивании военных побед и подвигов «богоизбранного василевса» ромеев. **Параграф 2.2.3.** «Семантика термина “скифы” в “Алексиаде” Анны Комниной» посвящен анализу закономерности использования этнонимов в труде Анны Комниной. Проведенный анализ позволил проследить в это время изменение семантики архаизированного названия «скифы», которое окончательно обретает свойства политонима и служит для обозначения враждебных Империи северных кочевников. **В параграфе 2.2.4.** «Происхождение образа печенегов в “Алексиаде”», исходя из совпадения некоторых деталей и общей тональности рассказа Анны Комниной о печенежской войне 1086–1091 гг. с традицией о «скифской» войне 1122–1123 гг., высказывается предположение о времени создания соответствующего рассказа «Алексиады» и содержащего в нем образа печенегов: эпоха после «скифского» похода Иоанна II Комнина, современницей которого была писательница. В отличие от Феофилакта, который находится в русле идей второй половины XI в. и изображает печенегов как «вторгшихся кочевников» для восхваления за мир с ними правящего императора Алексея Комнина, образ печенегов у Анны Комниной вообрел в себя информацию более поздней эпохи и является результатом более конъюнктурных размышлений автора второй трети XII в., направленных, с одной стороны, на возвеличивание Алексея как безоговорочного победителя «скифов», с другой — на литературную девальвацию военных успехов его наследника, прославляемого современной Анне официальной пропагандой за победу над тем же народом.

Глава 2.3. «Традиция о “последней” войне с огузо-печенегами» включает четыре параграфа. **В параграфе 2.3.1.** «Киннам и Никита Хониат о войне Иоанна II Комнина со “скифами”» рассмотрены рассказы Иоанна Киннама и Никиты Хониата о «скифской» войне 1122–1123 гг., а также вопрос о соотношении этих рассказов. Отмечается зависимость повествования Хониата от соответствующего фрагмента Киннама. Что касается сведений самого Киннама о периоде Иоанна II, то они, очевидно, происходят из хорошо информированного источника, во всяком случае, основная канва описанных событий подтверждается тремя авторами первой половины XII в. — Феодором Продромом, Михаилом Италиком и Никифором Васиlaki. **Параграф 2.3.2.** «Проблема этниче-

ской принадлежности “скифов”, воевавших с Иоанном II» посвящен вопросу об этнической атрибуции кочевников, вторгшихся в Византию в 1122 г. Анализ источников и историографии вопроса позволяет сделать вывод об огузо-печенежской принадлежности этих кочевников, на что указывают свидетельства Феодора Продрома и Евстафия Солунского о «многосемянности» вторгшихся номадов, упоминание Хониатом в соответствующем контексте этнонима Πετζιβάκων, а также независимые данные *Ипатьевской летописи*. Эпико-риторическая составляющая одного из источников по истории событий 1122–1123 гг. — монодии Михаила Италика на смерть Андроника Комнина — рассмотрена в **параграфе 2.3.3.** «Эпические мотивы в монодии Михаила Италика на севастократора Андроника Комнина». Отмечается, что некоторые детали этой монодии могут быть объяснены при сопоставлении с византийской эпической традицией: наделение образа Андроника Комнина, стоящего в центре повествования, типичными для эпического героя чертами (совершение подвигов в юном возрасте, одиночное противоборство с «целым войском» врагов и др.), использование характерных художественных приемов (анафор, повторов, гипербол, эпитетов) и аллюзий на Гомера. В **параграфе 2.3.4.** «Образ кочевников в рассказе Хониата о “скифском” нашествии» проанализирован образ огузо-печенегов в соответствующем фрагменте Хониата. Анализ проводимых Хониатом параллелей с библейской историей и сравнение огузо-печенегов с саранчой и ветхозаветным племенем амаликитян, позволяет сделать вывод о том, «последнее» огузо-печенежское вторжение воспринималось византийским историком не только в качестве бедствия, но главным образом в качестве «ниспосланного свыше» неотвратимого зла, само происхождение, формы и результаты проявления которого лежат в трансцендентальной плоскости. Победа Иоанна II над кочевниками и их окончательный разгром, подобно победе Моисея над амаликитянами, могла рассматриваться Хониатом как еще одно свидетельство богоизбранности василевса и народа ромеев.

Глава 2.4. «Куманы и освобождение Болгарии от византийского господства» состоит из четырех параграфов. В **параграфе 2.4.1.** «Никита Хониат о восстании в Болгарии и действиях куманов» рассмотрен рассказ Никиты Хониата о причинах, основных этапах и итогах восстания «влахов» и «болгар» и участии в нем куманских кочевников.

В параграфе 2.4.2. «Проблема этнического происхождения Асенидов» затронут часто дебатировавшийся вопрос об этнической принадлежности лидеров восстания — братьев Петра и Асеня. Анализ предшествующей историографии проблемы показывает недостаточность суждений о происхождении Асенидов, основанных лишь на противоречивых указаниях византийских и латинских авторов, которые не могут иметь решающего значения, поскольку средневековые наименования народов не являлись этнонимами в строгом смысле слова. Очевидно, что вопрос о реальной этнической идентификации Асений должен решаться, прежде всего, на основании анализа несомненных этнически маркирующих признаков, например, лингвистических. К числу таких данных относится патронимик Асенидов, который, вероятно, имеет тюркское происхождение. Предположение о тюркских корнях Асенидов, независимо от их конкретной этнической принадлежности, подтверждается существованием омонимичных имен у половцев по данным *Лаврентьевской летописи*: Осень, Асень, Асинь. **В параграфе 2.4.3.** «Датировка вторжений куманов и их роль в освобождении Болгарии» рассмотрен вопрос о датировке походов Исаака II Ангела в Болгарию и времени присоединения куманов к восстанию. Судя по всему, куманы присоединились к восстанию в 1187 г. С этого времени куманские группировки участвуют практически во всех крупных военных акциях Асенидов, во многом предопределяя их конечный успех. По-видимому, такая лояльность со стороны кочевников была обеспечена тесными, вероятно даже родственными, связями Асений с куманской знатью. Это объясняет и то, что несмотря на свой значительный военный потенциал, куманы не предпринимают в это время самостоятельных набегов на Византию и неизменно действуют в интересах повстанцев. На этом фоне весьма показательным является полное отсутствие в это время каких-либо данных о присутствии тюрко-кочевнических контингентов в составе византийского войска; ничего неизвестно также об участии куманов на стороне союзных Византии армий. Можно полагать, что ко времени восстания в Болгарии византийские дипломаты окончательно утратили рычаги воздействия на причерноморских степняков. Крах «степной дипломатии» Византии, на протяжении нескольких сот лет обеспечивавшей безопасность ее северных рубежей, стал одним из факторов ослабления и скорого распада державы ромеев. **В параграфе 2.4.4.** «Современники восстания в Бол-

гари о куманах (Евстафий Солунский, Никита Хониат)» рассмотрен образ куманов в трудах современников восстания в Болгарии. Анализ показывает, что Евстафий Солунский, описывая кочевников в конце XII в., находится в рамках той же традиции, что и его предшественники второй половины XI в. — Михаил Пселл и Феофилакт Болгарский, и характеризует куманов согласно традиционному стереотипу их описания, в соответствии с топосом «вторгшиеся кочевники». Что касается образа куманов у Никиты Хониата, то он, в целом, близок его же образу «скифов», вторгшихся при Иоанне II Комнине. Имеется, однако, одно принципиальное отличие: на фоне катастрофических для Византии событий рубежа XII–XIII вв. и частых столкновений с куманами образ «скифов» приобретает еще более воинственные черты.

В **Заключении** суммируются выводы по всем главам диссертации и подводятся основные итоги исследования истории византино-кочевнических отношений и развития византийских представлений о тюркских номадах в конце IX — начале XIII в.

Исходя из хронологических указаний Константина Багрянородного и данных западноевропейских хроник, появление печенежских племен в Нижнем Подунавье может быть датировано примерно 893/4 г. Отголосок связанных с этим событий нашел отражение в сильно контаминированном известии лотарингского монаха Регинона Прюмского, хроника которого датируется 907–908 гг. и в данном месте, исходя из содержания и весьма вероятной идентификации латинской передачи этнонима *Resipaci* с греческой *Πατζιβάκοι*, восходит к неизвестному византийскому источнику примерно того же времени.

Хотя первые контакты ромеев с печенегами могли произойти еще в середине 890-х гг., дошедшим византийским текстам печенеги не известны, по меньшей мере, до 10–20-х гг. X в., когда они попадают в сферу военных и дипломатических интересов Византии (посольство стратига Херсона Иоанна Богаса) и начинают рассматриваться византийцами в числе главных союзников в Причерноморье, как об этом и говорится в *DAI* и в близких ему по времени текстах Николая Мистика и Продолжателя Феофана. Именно с этого времени этноним *Πατζιβάκοι*/*Πατζιβακίται* начинает регулярно упоминаться на страницах византийских источников, тогда как в предшествующей традиции периода Льва VI сведений о печенегах нет. Второе десятилетие X в. и являет-

ся *terminus ante quem* для составления «печенежского досье» *DAI*. Исходя из содержания этого «досье» (наличие печенежской ономастики и идеологием, использование греческой терминологии для характеристики социально-политического устройства печенегов), можно сделать вывод, что оно было собрано при участии Иоанна Богаса, происходившего, вероятно, из печенежской среды.

Судя по всему, значительная часть аутентичных сведений о печенегах в византийской литературе была предоставлена именно выходцами из среды кочевников, принявших христианство и перешедших на службу Империи. В пользу этого предположения говорит, прежде всего, прямая корреляция между количеством печенежской ономастики и упоминаниями о печенегах на имперской службе в византийских текстах (Константин Багрянородный: 27 тюркизмов печенежского происхождения — Иоанн Богас; Иоанн Скилица: 11 тюркизмов — Иоанн Кеген).

По-видимому, византийская христианизация кочевников в эпоху «массовых нашествий» имела целью их интеграцию в военно-административную структуру Византии: на это указывает как непрерывный военный контекст, сопутствующий крещению степняков, так и прямые свидетельства византийских авторов о присвоении вождям кочевников военных чинов и переброске их христианизированных отрядов на борьбу против тюрков-сельджуков. Эта программа была основана на традиционной военно-религиозной доктрине «христолюбивого воинства» и имела целью укрепление идеологического фундамента полиэтничной византийской армии. По крайней мере до середины 80-х гг. XI в. византийцам в целом удавалось интегрировать кочевников в имперский военный механизм.

Прямые нашествия тюркских номадов на Византию во второй половине XI — XII вв. стали рубежом в переосмыслении их роли в византийской истории. Для характеристики печенегов и куманов, совершавших набеги на территорию Византии, в византийской риторике использовался топос «вторгшиеся кочевники», значение которого состояло не в описании реального культурного облика номадов и фактов их нападений, а в создании образа дикого и жестокого врага, несущего грабежи и смерть. Его употребление указывает на то, к какому типу народов византийцы второй половины XI — конца XII вв. причисляли печенегов и куманов (resp. к воинственным нецивилизованным варварам,

«скифам»), но вовсе не служит описанием каких-то конкретных групп кочевников. Смысл этого топоса состоит также в возвеличивании военных побед и подвигов «богоизбранного василевса» ромеев. Можно считать, что уязвимость северных рубежей Византии и необходимость борьбы с кочевниками в этой время обрела значение идейного постулата и закрепились в политической доктрине. Так, угроза кочевнических набегов могла послужить одним из источников постепенной аристократизации византийского общественного и политического сознания в конце X–XI вв., выразившейся, среди прочего, в формировании «рыцарского» идеала императора как война *par excellence*.

Изменения коснулись и семантики архаизированного названия «скифы», которое в это время окончательно обретает свойства политонима и служит для обозначения враждебных Империи северных кочевников. Многие элементы «скифского» образа печенегов, а позднее и куманов, фиксируемые в византийской книжности, в некоторой степени отражают представления ромеев об *идеале врага*. Такого рода элементы лучше всего объяснимы с точки зрения так называемого «скифского миража» — комплекса представлений греков о северных кочевниках, бытовавших в греческой литературе в период поздней античности и Средневековья. Этот «скифский мираж» является, прежде всего, результатом саморефлексии византийцев и их идеализирующего и мифологизирующего коллективного сознания, нашедшего наиболее характерное воплощение в памятниках имперской пропаганды.

Не ранее второй половины XI в. печенеги начинают фигурировать и в византийском фольклоре. Об этом свидетельствует рассказ Иоанна Скилицы о разгроме печенегов патриkiem Иоанном Алакасом в период «русской» войны Цимисхия. Этот рассказ существенно отличается от параллельного эпизода Льва Диакона и, судя по ряду деталей фольклорного характера и активной роли в нем печенегов, является одной из «героических новелл» о военных хитростях ромеев и их успешных битвах с северными кочевниками, распространенных в эпоху «массовых нашествий». Характерно, что мотив борьбы с печенегами нашел отражение именно в «версии Скилицы», во времена которого они были реальной угрозой Византии: в фольклоре времени Скилицы, в отличие от эпохи Льва Диакона, неактуальных более болгар и венгров заменили печенеги. Такого рода новеллы стоят особняком от остальной византий-

ской традиции, поскольку содержат свидетельства не только о внешних контактах ромеев с тюркскими номадами, но и влиянии последних на духовную культуру средневековых греков.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. *Козлов С.А.* Византийские авторы об участии печенегов в русско-византийской войне 970–971 гг. и их источники // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 2. С. 33–40 (0,6 п.л.).

2. *Козлов С.А.* К вопросу о датировке появления печенегов в Нижнем Подунавье // Византийский временник. 2012. Т. 71. С. 80–108 (1,4 п.л.).

3. *Козлов С.А.* Тюркские кочевники в исторических судьбах восточных романцев: Источники и проблемы (По поводу монографии: Spinei V. The Romanians and the Turkic nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden; Boston: Brill, 2009. 545 p.) // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 220–226 (0,5 п.л.).

Публикации в сборниках научных трудов и материалах конференций

4. *Козлов С.А.* Были ли печенежские союзники византийцев «христолюбивым воинством»? // Кондаковские чтения III. Человек и эпоха: Античность-Византия-Древняя Русь / Отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: БелГУ, 2010. С. 238–244 (0,5 п.л.).

5. *Козлов С.А.* Византийская традиция о последней византино-печенежской войне // Европа: Междунар. альманах. Вып. 10 / Отв. ред. С.В. Кондратьев. Тюмень: ТюмГУ, 2011. С. 7–22 (1,4 п.л.).

6. *Козлов С.А.* К вопросу о «племени, живущем в повозках» византийских авторов // Проблемы истории и культуры средневекового общества: Тез. докл. XXX Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» / Отв. ред. А.Ю. Прокопьев. СПб.: КультИнформПресс, 2011. С. 197–199 (0,2 п.л.).

7. *Козлов С.А.* Константин Багрянородный о печенежских «фемах» (*DAI*. сар. 37) и проблема его источников // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти В.Т. Пашуто (Москва, 18–20.04.2012 г.) / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 113–120 (0,3 п.л.).

8. *Козлов С.А.* Образ «вторгшихся кочевников» в речи Феофилакта Болгарского к Алексею Комнину и его функция // Проблемы истории и культуры средневекового общества: Тез. докл. XXXI Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб.: КультИнформПресс, 2012. С. 321–324 (0,2 п.л.).

9. *Козлов С.А.* Образ «скифов» в рассказе Никиты Хониата о последней византино-печенежской войне // Древность и Средневековье: Вопросы истории и историографии: Мат-лы I Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 28–30.10.2010 г.). Омск: ОмГУ, 2010. С. 22–24 (0,2 п.л.).

10. *Козлов С.А.* Проблема датировки печенежского вторжения в Юго-Восточную Европу // Мат-лы междунар. науч. форума «Ломоносов-2010» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев и др. М.: МАКС Пресс, 2010 [CD-ROM] // [Http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2010/History/Kozlov.pdf](http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2010/History/Kozlov.pdf) (0,2 п.л.).

11. *Козлов С.А.* Проблема разграничения «скифских» народов в византийской литературе эпохи первых Комнинов // Предел, граница, рамка: Интерпретация культурных кодов: 2012 / Сост. и общ. ред. В.Ю. Михайлина, Е.С. Решетниковой. Саратов; СПб.: ЛИСКА, 2012. С. 32–39 (0,5 п.л.).

12. *Козлов С.А.* Эпические черты в монодии Михаила Италика на севастократора Андроника Комнина // Проблема континуитета в византийской и поствизантийской истории: Тез. докл. XIII Междунар. науч. Сюзюмовских чтений (Екатеринбург, 18–20.11.2010 г.). Екатеринбург: УрГУ, 2010. С. 48–50 (0,1 п.л.).

Подписано в печать 27.09.2012. Тираж 100 экз.
Объем 1,0 уч. изд. л. Формат 60x84/16. Заказ 574.

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс (3452) 46-27-32
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru

10²